

Д.В. ИВАНОВ

ПОСТМАРКСИЗМ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА И ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (dvi1967@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматривается вклад Юргена Хабермаса в теоретическую социологию и анализируется его концепция развития современного общества. Дана характеристика неомарксистского и постмарксистского этапов его научного творчества. Показано, что интегративная парадигма Хабермаса и его «двухуровневая» теория общества открывают новую перспективу в понимании целей и индикаторов социального развития. Идеи коммуникативной рациональности и коммуникативного действия как оснований социальности созвучны современным тенденциям социального развития, но в теории Хабермаса они используются, чтобы противостоять социальным изменениям и отстаивать ценности и институты позапрошлого столетия. Концепция защиты жизненного мира от экспансии системы характеризуется как утопический проект сохранения привычных форм социальности. В современном контексте процессов виртуализации и поствиртуализации жизненным миром, где происходят создание смыслов, развитие символических структур и легитимация систем, предстает не консервативная повседневность как обыденная реальность, воспроизводящая традиционность, а дополненная реальность, создаваемая креативными и мобильными коммуникациями, сетевыми и потоковыми структурами.

Ключевые слова: Хабермас • критическая теория • коммуникативное действие • социальное развитие • диалектика

DOI: 10.31857/S013216250005479-9

В социологии Юрген Хабермас – поистине историческая фигура, человек-эпоха. В охватывающей почти семь десятилетий эпохе – интеллектуальной биографии Хабермаса можно выделить три этапа. Первый этап – разработка новой версии критической теории общества в рамках Франкфуртской школы (в середине 1950-х – начале 1970-х гг.). Второй этап – создание теории коммуникативного действия (в середине 1970-х – начале 1990-х гг.). Третий этап – выдвижение в формах публичного дискурса политических и этических концепций, посвященных судьбам современного общества, демократии и культуры в Германии, Европе и мире (с середины 1990-х гг. по настоящее время).

На первом этапе главным результатом творчества Хабермаса стала компромиссная версия критической теории общества. В его работах того времени первоначальный негативизм франкфуртских теоретиков в отношении традиционной теории, превращающей науку в инструмент господства, сменился на утверждение значимости трех равновеликих форм социологии – позитивистской, понимающей и критической. Этой концепцией теоретико-методологического компромисса с социологическим мейнстримом, а также разработанной на ее основе теорией ценностно-нормативного кризиса позднего капитализма Хабермас внес существенный вклад в неомарксизм.

На втором этапе своего творчества Хабермас создал теорию современного общества, которая ознаменовала его переход от неомарксизма к постмарксизму. Теория коммуникативного действия релятивизировала идеи Маркса, поставила их вместе с идеями

других классиков социологии в единый ряд источников создания новой социологической парадигмы. Интегративная парадигма, объединяющая структуральные и агентностные, позитивистские и конструктивистские, объективистски-аналитические и социально-критические подходы, стала главным результатом деятельности Хабермаса на этом этапе.

На третьем этапе интеллектуальной биографии Хабермаса главный результат его деятельности носит характер не социально-теоретический, а социально-символический. Хабермас обрел статус глобального интеллектуала, подтвержденный многочисленными международными премиями (среди них премия принца Астурийского в 2003 г. и премия Клюге в 2015 г.) и рейтингами (например, журнал *Foreign Policy* включил Хабермаса в 'Top 100 Public Intellectuals' в 2005 и 2008 гг. и в 'Top 100 Global Thinkers' в 2012 г.).

На этом этапе биографии вклад Хабермаса в публичный дискурс и связь его позиции публичного интеллектуала с его теоретическими взглядами представляют несомненный интерес и должны быть изучены в контексте истории социологии. Однако собственно теоретические достижения Хабермаса и его вклад в развитие социологии больше связаны с первыми двумя этапами. Поэтому дальнейший анализ в статье будет сфокусирован на них и на тех работах и идеях Хабермаса, которые сформировали его версию критической теории и теорию коммуникативного действия.

В 1960-х гг. во франкфуртском Институте социальных исследований сформировалось так называемое второе поколение Франкфуртской школы, к которому среди прочих учеников и младших коллег Хоркхаймера и Адорно принадлежал и Хабермас. В этот период «Диалектика просвещения», написанная Хоркхаймером и Адорно в середине 1940-х гг. [Horkheimer, Adorno, 1947], подавалась как окончательная форма критической теории. Представленное в ней видение современного общества как системы тотального и непреодолимого подавления человека и природы, а рационального мышления и науки как идеологии этой системы, не позволяло удовлетворительным образом интерпретировать изменения социально-исторических условий в мире и в Германии после Второй мировой войны. Вызовами для критической теории стали либерализация и демилитаризация общества после поражения национал-социализма, рост благосостояния вследствие послевоенного «экономического чуда» и развитие социального государства (welfare state), сексуальная революция и подъем студенческого, антивоенного и феминистского движений.

Угроза вырождения критической теории в догматическое учение и утраты ее связи с «революционной практикой», представленной новыми левыми и молодежью, побудила Хабермаса к переосмыслению научного и практического статуса теории. Свое видение критической теории, принципов ее построения и соотношения с другими формами знания и с социальной практикой он представил в докладе при вступлении в профессорскую должность в университете Франкфурта (1965), а также в книгах «Познание и интерес» (1968) и «Техника и наука как идеология» (1968). Хабермас выдвинул концепцию связи между познанием и фундаментальными интересами людей [Habermas, 1968a; 1968b], которая ревизовала положения выдвинутого Хоркхаймером в 1937 г. проекта критической теории как альтернативы традиционной теории [Horkheimer, 1988].

Хабермас выделяет три типа познавательного интереса, которые конституируют три разных типа научного знания [Habermas, 1968b, 146–148]. «Эмпирико-аналитические науки» конституируются «техническим интересом». Заинтересованность в эффективном контроле над «объективированными процессами», то есть вещами и людьми, рассматриваемыми как цели и средства действия, формирует подход к изучаемым явлениям как объектам, связанным в закономерную систему. «Историко-герменевтические науки» движимы «практическим интересом». Заинтересованность в достижении взаимопонимания, «консенсуса» между индивидами формирует подход к изучаемым явлениям как смысловым структурам, которые необходимо интерпретировать. «Критически ориентированные науки» базируются на «эмансипационном интересе». Заинтересованность в освобождении субъекта от «идеологически застывших отношений зависимости», которые не являются необходимостью, формирует рефлексивно-критический подход.

Конститутивные для познания интересы формируются соответственно в процессах инструментального действия (труда), коммуникативного действия и эмансипации – действия, освобождающего от подавления природными силами, людьми, ложным сознанием. Поскольку конституирующие их методологию интересы коренятся в «инвариантных регулярностях социального действия как такового», позитивистская и понимающая социология не являются идеологией господства. Концепция познавательных интересов дезавуирует и критику позитивизма М. Хоркхаймером, и знаменитый «спор о позитивизме» – полемику Т. Адорно с К. Поппером. Взаимные нападки сторонников позитивистского и критического подходов отрицают значимость познавательных интересов, которые в равной мере жизненно необходимы. Таким образом, Хабермас легитимировал возможность трансформации критической теории на базе методологического компромисса (разделения научного труда по интересам) с социологическими теориями, принадлежащими к эмпирико-аналитическому и историко-герменевтическому подходам. Признание относительной истинности позитивистской и понимающей социологии позволяет включать в критическую теорию те их компоненты, которые схватывают «инвариантные регулярности социального действия как такового».

Оспаривая традиционную для Франкфуртской школы критику науки и технологии как идеологии подавления [Habermas, 1968b], Хабермас полагает, что проблема освобождения, устранения в обществе несправедливости лежит в сфере социальной коммуникации. Идеология – это «систематическое искажение коммуникации». Это положение восходит к идее, высказанной Хабермасом еще в своей ранней книге «Структурное изменение общественности» (1962). Он указывал на современную деградацию общественной сферы, где публика в ситуации открытой дискуссии призвана достигнуть консенсуса и тем разрешать противоречия и устранять диспропорции, сопутствующие технико-экономическому развитию капитализма [Habermas, 1962]. Интерсубъективно разделяемое знание, которое создается «общественностью, действующей в идеальной речевой ситуации», противостоит идеологии, формируемой иерархически выстроенными коммуникациями в сфере массмедиа.

В интерпретации Хабермаса научное сообщество и в целом интеллигенция из обличаемых классиками критической теории производителей инструментального знания на службе системы подавления превратились в гарантов рационального, равного и свободного формирования знания для воспроизводства гуманных форм социальной жизни. Такая трактовка открывает для критической теории путь и к методологическому компромиссу с академическим мейнстримом, и к социально-практическому компромиссу с интеллектуальным истеблишментом из средних слоев буржуазного общества. Образцом реализации стремления Хабермаса к такому компромиссу, когда теория остается критической, но не отрицает полностью истинность традиционных теорий, можно считать совместный семинар и публикацию совместной работы с Н. Луманом. В книге «Теория общества или социальная технология. Что дает исследование систем?» [Luhmann, Habermas, 1971] дискуссия двух лидеров разных парадигм – неомарксизма и функционализма – обнаружила рецепцию Хабермасом ключевых идей системно-теоретического подхода, проблематичность которого он видит лишь в некорректной редукции тотальности общества к структурам экономической и административной систем и в дефиците их легитимности.

В ходе дебатов с Луманом Хабермас впервые в тезисной форме представил свой вариант теории современного общества, который соответствовал его программе обновления критической теории. В развернутом виде эта теория опубликована в книге «Проблема легитимности в условиях позднего капитализма» (1973). Хабермас начинает с констатации неэффективности традиционного марксизма в контексте позднего капитализма. Анализ экономики не является непосредственно социальным анализом, так как экономика не детерминирует теперь непосредственно социальные, прежде всего политические институты. Скорее государственное регулирование и «квазиполитический» альянс организованного труда (профсоюзов) и капитала (предпринимателей) политически опосредуют экономикой, что позволяет возникающие в экономике кризисные тенденции устранять путем

«передачи» их через политическую систему в социокультурную систему [Habermas, 1973: 66–69]. Такая «передача» вызывает «дефицит легитимности» активного вмешательства государства в экономику и попыток компенсировать его посредством системы «формальной демократии» (которую Хабермас отличает от «субстантивной демократии») и посредством манипулирования сознанием в сфере культуры.

Попытки разрешить кризис легитимности путем манипулирования сознанием наталкиваются на ограничения, связанные с тем, что культура несет в себе потенциал сопротивления административному контролю. В теории Хабермаса не экономика и политика, а культура становится сферой борьбы между тенденциями подавления и эмансипации. С точки зрения Хабермаса, традиционные сферы буржуазной культуры – наука, искусство, универсальная мораль – амбивалентны в отношении капитализма и содержат оппозиционные элементы. Наука может рассматриваться и как идеология, и как критика. В искусстве наличествуют и аффирмативный истеблишмент, и нонконформистский андеграунд. В буржуазной морали Хабермас обнаруживает и «приватизм» – эгоистическую этику, и «коммуникативную» этику взаимодействия на основе консенсуса. Хабермас приводит перечень оппозиционных культурных феноменов, подразделяя их на активистские и ретритистские. К числу первых он относит студенческое движение, пацифистское и женское движения. К числу ретритистских явлений Хабермас относит хиппи, христианский фундаментализм, наркосубкультуру.

Потенциал эмансипации в условиях позднего капитализма Хабермас отождествляет с антиэтатистскими и антикапиталистическими ценностями и движениями внутри традиционной либеральной культуры, поэтому его версия критической теории является компромиссной по отношению к существующему обществу. Развивавший в тот же период радикальную версию критической теории Маркузе апеллировал к социально исключенным, маргинальным и асоциальным с традиционной точки зрения группам, трансцендирующим существующий социальный порядок в целом [Marcuse, 1964; 1972]. Компромиссная же версия теории допускает движение против системы подавления и за свободу лишь до предела, определенного целями гражданского активизма, согласующимися с традиционными буржуазными добродетелями.

Концепция кризиса легитимности стала заметным вкладом Хабермаса в неомарксизм, однако со второй половины 1970-х гг. его теоретизирование стало уже постмарксистским. Различие между неомарксизмом и постмарксизмом заключается в том, что если для первого исходной идеей является одновременное признание правильности теории Маркса в условиях раннего капитализма и необходимости обновления его теории применительно к условиям позднего капитализма, то для второго характерна релятивизация идей Маркса как недостаточных для анализа любого периода как в прошлом, так и в настоящем. Неомарксисты стремятся обновить марксизм, поскольку убеждены, что Маркс во всем был прав, но изменились условия. Постмарксисты же полагают, что Маркс изначально не во всем был прав, что нужно его ошибки исправить и реконструировать марксизм на другой концептуальной основе. В работе Хабермаса «К реконструкции исторического материализма» (1976) отправной пункт – тезис о некорректном отождествлении Марксом понятий труда и практики (Praxis), имевшем фатальные последствия для теории, в которой социальная эволюция редуцируется к процессу рационализации системы целерационального действия [Habermas, 1976].

Определение Хабермасом социальной эволюции как процесса рационализации и исторического материализма Маркса как страдающей односторонностью теории этого процесса свидетельствует, что Хабермас критикует не исторический материализм Маркса, а скорее концепцию рационализации Хоркхаймера и Адорно, считавших тотальную рационализацию существом процесса развития современного общества как общества подавления [Horkheimer, Adorno, 1947].

Источник подавления в социальной и личной системах Хабермас видит не в рационализации самой по себе, а в систематическом искажении коммуникации, препятствующем

осознанию конфликтов и их регулированию на основе консенсуса и возникающем вследствие недостаточной рациональности коммуникативного действия. Если целерациональное действие рационализируется в техническом аспекте средств и в стратегическом аспекте их выбора, то коммуникативное действие может быть рационализировано «только в морально-практическом аспекте ответственности действующего субъекта и справедливости нормы, регулирующей действие» [Habermas, 1976: 119]. Сбалансированная рационализация человеческого действия обоих типов выступает у Хабермаса моделью подлинно социальной эволюции.

Собственно результат реконструкции исторического материализма – пересмотр Хабермасом стадий социальной эволюции представляет собой тривиальную по меркам 1970-х гг. схему, опирающуюся на эволюционную модель Парсонса. Парсонс выделял в соответствии со степенью функциональной дифференциации социальной системы три стадии эволюции: примитивное, промежуточное и современное общество [Parsons, 1966]. Хабермас описывает четыре стадии рационализации действия: неолитические общества, ранняя цивилизация, развитая цивилизация, современное общество [Habermas, 1976: 158–159]. Единственное заметное отличие от модели Парсонса – выделение перехода от ранней к развитой цивилизации, определяемого разрушением мифологической картины мира и исчезновением «фигуры правителя» как морального референта при регулировании социальных конфликтов. Это описание перехода воспроизводит давний анализ значения избавления от власти мифологии и моральных авторитетов для конституирования субъективности и индивидуализма как основ современной цивилизации [Horkheimer, Adorno, 1947].

Стремясь соединить в своей концепции социальной эволюции критический анализ рационализации (Франкфуртская школа) и функциональный анализ дифференциации системы действия (Парсонс), Хабермас достиг методологического компромисса с современной социологией, но результатом компромисса стал теоретический консерватизм. Если в «К критике политической экономии» и «Капитале» Маркса было представлено новое для середины XIX в. видение и истории, и тенденций развития общества, а в «Диалектике просвещения» Хоркхаймера и Адорно и «Одномерном человеке» Маркузе – новое для середины XX в., то в «К реконструкции исторического материализма» Хабермас представил модель, устаревшую с точки зрения и традиционной, и критической теории, но отражающую социальный идеал либерально настроенного и просвещенного среднего слоя позднеиндустриального общества.

Вершиной творчества Хабермаса стал двухтомник «Теория коммуникативного действия» (1981), в котором можно выделить две основные темы, обусловленные главными интенциями автора: 1) синтез теоретических традиций и интеграция критической теории в социологию, 2) построение теории современного общества и модели социального развития на базе концепции коммуникативной рациональности [Habermas, 1981b].

К концу 1970-х гг., когда исчерпала себя тенденция к построению и состязанию новых макро- и микросоциологических парадигм, породившая в 1960-х гг. феномен мультипарадигмальности, перспективной формой теоретизирования становится сопоставительный анализ, систематизация и интеграция конкурировавших ранее подходов. «Теория коммуникативного действия» Хабермаса стала одним из образцов интегративной социологической теории. В отличие от радикально антисоциологического пафоса работ Хоркхаймера, Маркузе, Адорно 1930-х – 1960-х гг., теория Хабермаса отмечена стремлением не устранить, а объяснить ограниченность и относительную правоту других подходов. Руководствуясь этим принципом, он детально анализирует, сравнивает, переформулирует и интегрирует в свою теорию концепции не только своих предшественников в разработке критической теории Хоркхаймера и Адорно, но и концепции Вебера, Мида, Дюркгейма, Парсонса и др. [Habermas, 1981b: Bd. 1, 8–9].

Классические теории нужно интегрировать в рамках новой парадигмы, поскольку все ранее созданные социологические подходы, по мнению Хабермаса, представляют собой двоякого рода результат односторонней абстракции, неосознанно отсекающей связи

между жизненным миром и системой – двумя аспектами современного общества как целого. Фиксация на объективации субъекта характеризует теории, представляющие общество как систему. Фиксация на субъективации объекта – теории, представляющие общество как жизненный мир. Избежать односторонности можно путем построения «двухурвневой» теории, интегрирующей концепции жизненного мира и системы [Habermas, 1981b: Bd. 2, 179–180].

Современное общество, раздвоенное на жизненный мир и систему, сформировалось в процессе рационализации. Хабермас показывает, что классики социологии – Маркс, Вебер, Хоркхаймер и Адорно, так или иначе, идентифицировали развитие современного общества с экспансией инструментальной и стратегической рациональности действия. Процесс рационализации приобретает иной смысл, если она рассматривается с точки зрения коммуникативной рациональности, направляющей действия на достижение взаимопонимания между индивидами на общей основе неявного знания о мире. Рационализация общества – это прежде всего рационализация жизненного мира.

Рационализация ведет к усложнению структуры жизненного мира. Хабермас выделяет три структурных компонента жизненного мира: культуру, общество, личность [Habermas, 1981b: Bd. 2, 208–209]. Коммуникативное действие обеспечивает воспроизводство и обновление символических структур жизненного мира. Символические структуры жизненного мира воспроизводятся путем продолжения достоверного знания, стабилизации групповой солидарности и социализацией ответственных акторов. Существование символических структур становится возможным потому, что материальное воспроизводство жизненного мира обеспечивается целерациональным (инструментальным и стратегическим) действием, ориентированным на успешное обращение с вещами и людьми. На основе различения коммуникативного действия, ориентированного на взаимопонимание, и целерационального действия, ориентированного на успех, Хабермас объясняет парадокс рационализации. Рост коммуникативной рационализации социальной жизни сопровождается необходимой для поддержания ее материальных условий функциональной рационализацией экономической и административной подсистем. Но в процессе развития общества подсистемы целерационального действия превращаются в сложные гипертрофированные комплексы, а системные механизмы координации и интеграции действий посредством денег и власти начинают замещать и подавлять формы социальной интеграции на основе общности смыслов, достигаемой в языковой коммуникации. Рационализация принимает форму колонизации жизненного мира системой [Habermas, 1981b: Bd. 2, 232–233].

Колонизация заключается в бюрократизации и монетаризации науки и образования, в государственном и корпоративном вмешательстве в функционирование сообществ и в частную жизнь семей. Социальная интеграция замещается юридически закрепленной системой формальных ролей наемного работника, лояльного гражданина, потребителя, клиента общественных служб [Habermas, 1981b: Bd. 2, 456–457].

В обществе, в котором социальное развитие подменяется развитием системы, основной линией конфликтов становится разрыв между «центром», представленным слоями, вовлеченными и заинтересованными в поддержании экономической и административной системы – предпринимателями, рабочими, торговцами, чиновниками и т.п., и «периферией», представленной теми группами, чьи интересы связаны с поддержанием жизненного мира [Habermas, 1981b: Bd. 2, 576–580]. Хабермас приводит длинный список сил протеста: антивоенное и экологическое движения, движения за альтернативный образ жизни, меньшинства (престарелые, гомосексуалисты, инвалиды и т.д.), религиозные фундаменталисты, движение против налогов, ассоциации родителей, выступающих против дефектов школьной системы, женское движение и т.п. Кроме феминистского движения, единственного сохраняющего традиции освободительных движений, остальные движения ориентированы не на «завоевание новых территорий» свободы, а на противодействие экспансии системы в жизненный мир, то есть имеют «оборонительный» характер. Они борются против инструментализации труда, превращающей его из призвания в извлечение дохода, против распространения принципов конкуренции в школе, против давления консюмеризма на формирование

личности, против превращения отношений между общественными службами и их клиентами в отношения зависимости [Habermas, 1981b: Bd. 2: 582].

В сконструированной Хабермасом символической коалиции в защиту жизненного мира доминируют движения, ориентированные на препятствование технологическим и социально-структурным изменениям, на сохранение ценностей, культурных паттернов и нормативных структур, сложившихся в период модернизации общества в XIX–XX вв. Триединство культуры как рационального знания, общества как сети групповых солидарностей, личности как социально ответственного актора – это тот жизненный мир, который более всего соответствует доктринам идеологов Просвещения. Однако коммуникативное действие, создающее смыслы и поддерживающее социальность, на рубеже XX и XXI вв. уже не вмещается в рамки повседневного общения, местных общин, речевых паттернов, культивируемых интеллектуалами. Идентифицировав в теории коммуникативного действия идеал социальности с ретроградным социокультурным проектом просвещенных буржуа, Хабермас завершил свою интеллектуальную эволюцию от радикального неомарксизма к консервативному постмарксизму.

Консерватизм Хабермаса особенно отчетливо проявился в его отношении к новой форме критического дискурса, возникшего в социальных науках на рубеже веков. Как и основатели Франкфуртской школы, Хабермас исходил из того, что определение пути преодоления отчуждения, являющееся главной целью критической теории, должно строиться на исторически конкретном анализе процесса овеществления. В рамках своей интегративной парадигмы Хабермас овеществление определил как «паталогическую деформацию коммуникативной инфраструктуры жизненного мира» [Habermas, 1981: Bd. 2, 483]. Однако в течение последней трети XX в. стали отчетливыми тенденции развеществления общества: сущность человека отчуждается теперь не только и не столько в социальную реальность институтов и общностей, сколько в виртуальную реальность образов и коммуникаций [Иванов, 1999]. Проблема преодоления отчуждения и роль коммуникативной рациональности стали выглядеть совсем иначе в контексте постмодернистских теорий Ж.-Ф. Лиотара [Lyotard, 1979] и Ж. Бодрийяра [Baudrillard, 1981], выдвинувших концепции «исчезновения» социальной реальности в модернистском ее понимании и появления «гиперреальности», в которой медийные образы и дискурсы оказываются более ощутимы и более действенны, чем реальный опыт обращения с вещами и общения с людьми.

Постмодернизм стал вызовом для компромиссной версии критической теории и для интегративной парадигмы, которую создал Хабермас. На протяжении 1980-х гг. постмодернистские концепции стали главным объектом критики со стороны теоретиков, принадлежащих к традиции Франкфуртской школы [Habermas, 1980; 1981a; 1985; Kellner, 1989; Wellmer, 1985], и инициатором критики выступил Хабермас.

В эссе «Модерн – незавершенный проект» (1980), в статье «Современность против постсовременности» (1981) и затем в обширном труде «Философский дискурс современности» (1985) Хабермас рассматривает Модерн не как определенную культурную эпоху, а как социокультурный проект – систему ценностей, задающих пути развития. Утрата регулятивной и мотивационной силы базовых для Модерна ценностей свободы и прогресса на фоне характерных для современной культуры «гедонизма», «нарциссизма», социальной инертности Хабермасом признается [Хабермас, 1992: 44]. Но это считается не свидетельством «конца» Модерна, а результатом «односторонности» модернизации, которую необходимо продолжить в направлении создания внутри жизненного мира институтов, ограничивающих экспансию системных императивов [Хабермас, 1992: 50]. Хабермас полагает, что противоречия модернизации провоцируют атаки на идеи рациональности, свободы и прогресса со стороны «младоконсерваторов» – Фуко, Лиотара, Дерриды, Бодрийяра. Однако полный отказ признать критический потенциал их концепций власти-знания, метанарративов, атомизации социального, симулякров указывает на то, что не постмодернизм является актом интеллектуального отчаяния перед лицом «апорий модерна», а скорее охранительный в отношении основ собственной теории подход Хабермаса.

В условиях нарастающей виртуализации общества такой негативный и консервативный подход не согласуется ни с исходными принципами критической теории, ни с социальными процессами. Поэтому даже теоретики, работавшие в русле идей Франкфуртской школы не приняли «оборонительную» и «враждебную» позицию Хабермаса в отношении попыток постмодернистов выработать новый критический дискурс. Видя в постмодернизме выражение вызова эпохи и интересов новых социальных и культурных движений, такие теоретики, как А. Велльмер и Д. Келлнер, отметили перспективность идей «самопреодоления» Модерна для обновления критической теории [Wellmer, 1985; Kellner, 1989].

Защита Модерн и Просвещение от «неоконсерватизма» постмодернистов, Хабермас сам в итоге создал специфический леволиберальный консерватизм. Идеал свободной и равной речевой коммуникации, устанавливающей рациональный консенсус, предстает утопией, референты которой находятся в жизненном мире немецких бюргеров, которые в позапрошлом веке создавали общественное мнение в публичных пространствах домассмедийной эпохи – в интеллектуальных салонах, кафе, пивных [Habermas, 1962], в прошлом веке защищали от крупных корпораций и государства привычные формы общения, олицетворяемые семьей, местной общиной, школой [Habermas, 1981b], и теперь мечтают о делиберативной демократии – политико-правовом порядке на основе равенства и свободы для способных к рациональной речевой коммуникации, то есть для таких, как они сами, представителей средних слоев в модернизированном обществе [Habermas, 1992].

Консервативный утопизм Хабермаса выглядит все более далеким от социальных процессов. Никогда не существовавшая «идеальная речевая ситуация» совершенно невозможна во все усложняющемся обществе, трансформируемом сетевыми и потоковыми структурами, а мечты о «дискурсивной свободе» дискриминируют тех, кто не обладает той коммуникативной компетентностью, которую Хабермас считает «естественной». Сконструированный Хабермасом жизненный мир не вмещает многие группы, среди которых – мигранты, неквалифицированные работники сферы услуг, инвалиды, аутичные технари и интернет-пользователи, коммуницирующие при помощи лайков и мемов, а не посредством обмена рациональными аргументами.

Несмотря на то что у Хабермаса она используется, чтобы противостоять социальным изменениям и отстаивать идеи, ценности, структуры позапрошлого столетия, идея коммуникации как основы социальности верно отражает современные тенденции развития общества. Для адекватного этим тенденциям применения теории коммуникативного действия необходимо пересмотреть понятие жизненного мира. В контексте процессов конца XX – начала XXI в. жизненным миром, где происходят создание смыслов, развитие символических структур и легитимация систем, предстает не консервативная повседневность как обыденная реальность, воспроизводящая традиционность, а дополненная реальность, создаваемая креативными и мобильными коммуникациями.

Метафора дополненной реальности (*augmented reality*) становится эффективным аналитическим инструментом, поскольку социальные изменения ведут к сдвигу от виртуализации социальной жизни к тенденциям поствиртуализации.

Виртуализация – это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальная жизнь с конца XX века оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, коммуникациями через традиционные и новые цифровые медиа. Образы и коммуникации зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем привычные социальные институты и интеракции. Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим в последние десятилетия, однако сейчас, в XXI в., виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутинной и обыденностью. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все чаще становится физическое присутствие, непосредственный опыт, тактильность, «аналоговое» в противовес «цифровому». В крупных городах бизнесмены и активисты альтернативных

движений все чаще создают пространства, функция которых – быть точкой доступа к реальности (креативные пространства, лофты, коворкинги, антикафе, котокафе...). Социальная жизнь в точках доступа к сетям и потокам материальных, символических, человеческих и технологических ресурсов превращается в насыщенное киберфизическим опытом существование в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, коммуникациях и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Эти тенденции представляют собой поворот к поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [Lyotard, 1979; Baudrillard, 1981], но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (*augmented modernity*).

В теории Ю. Хабермаса социальная реальность двухуровневая, существующая как система и как жизненный мир. Эта концепция сосуществования автономных реальностей и иерархических отношений между ними опирается на учение А. Шюца об автономных мирах смыслов при особом статусе повседневности [Schütz, 1967]. Новые технологии и практики демонстрируют не замкнутость соподчиненных реальностей, а возникновение смешанных, гибридных форм как результата пересечения институциональных границ сетевыми и потоковыми структурами. В ситуации поствиртуализации при нарастающем использовании в коммуникациях технологий дополненной реальности происходит вторжение виртуальной реальности в реальность повседневности и в реальность институционализированной публичности, что меняет возникшую ранее логику автономизации виртуальных пространств как отдельных миров смысла. Дополненная реальность становится концептуальным решением той задачи, которую ставил перед своей теорией Хабермас: интегрировать весь ряд предшествующих образов социальной реальности. Концепт дополненной реальности охватывает все формы – от джоркгеймовской реальности *sui generis* и шюцевских конструктов до гиперреальности, исчезновения реальности и виртуальной реальности.

Теоретическая и практическая значимость «двухуровневой» модели общества определяется не тезисом о защите жизненного мира как идеи и как реальности, а открытой Хабермасом диалектикой социального развития: интенции социального развития приводят к опережающему развитию системы и к растущему расхождению между системным развитием и социальным развитием. Интегративная парадигма, в которой диалектика структур и агентности переходит в диалектику системы и жизненного мира, открывает путь к новому пониманию социального развития, его направленности и индикаторов.

В течение 1980-х гг. в социальных науках произошел сдвиг в понимании и оценке развития от доктрин модернизации, в которых акцент делался на технико-экономических показателях уровня жизни (ВВП на душу населения, объемы производства сырья и конечной продукции – чугуна, зерна, машин, мяса и т.п.), к концепциям, более ориентированным на качество жизни людей. Понимание того, что развитие экономической системы не совпадает с собственно социальным развитием, лежит в основе получившего широкое признание «индекса человеческого развития» ООН, который публикуется с 1990 г. и включает три компонента оценки качества жизни: ВВП на душу населения, продолжительность жизни, продолжительность образования. Однако международное экспертное сообщество продолжает конструировать альтернативные показатели социального развития, которые бы соответствовали современным представлениям о благополучном и гармоничном существовании людей. Предлагаемые альтернативные методики, например, «индекс счастья» (Happy Planet Index), публикуемый Фондом новой экономики с 2006 г., или «индекс лучшей жизни» (OECD Better Life Index), созданный под эгидой Организации

экономического сотрудничества и развития в 2011 г., ориентированы на учет таких новых измерений социального развития, как уровень субъективно оцениваемого счастья, экологическое благополучие, гендерное равенство, гражданский активизм, уровень доверия между людьми и к общественным институтам и т.п.

Введение новых показателей социального развития – это тренд в социальных науках, который в точности следует логике теории Хабермаса. Вводятся индикаторы развитости символических структур жизненного мира и рационализации коммуникативного действия, создающего ценности и смыслы, доверие и солидарность. И они призваны дополнить те экономические и структурно-институциональные показатели (ВВП на душу населения, продолжительность жизни, продолжительность обучения), которые указывают на функциональную рационализацию, на развитие системы и на эффективность ее нормативных структур в сферах производства/потребления, здравоохранения и образования. Таким образом, логика теории Хабермаса раньше других и отчетливее других открыла путь к актуальной теперь идее несводимости социального развития к повышению функциональности институтов, образующих систему, которая поддерживает социальную жизнь, но не может быть ее смыслом. Не являясь непосредственным источником для новых концепций измерения социального развития, теория Хабермаса оказала свое влияние скорее опосредованно, внося вклад в формирование умонастроений исследователей и экспертов, участвующих в общем для социальных наук повороте к интегративным и более человеко-ориентированным представлениям о социальной реальности.

Главный теоретический результат творчества Юргена Хабермаса – интегративная парадигма и концепция диалектики системного и социального развития несет в себе большой инновационный потенциал, хотя достигнут этот результат на пути превращения интенций обновить и затем реконструировать марксизм в создание консервативного по сути варианта постмарксизма. Парадоксальным образом консервативный постмарксизм Хабермаса открывает перспективу концептуальной разработки инновационных моделей социального развития. Именно эта диалектика интеллектуальной биографии Хабермаса создает широкое поле для разнообразных, вплоть до противоположности, влияний и применений его социально-теоретического наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Иванов Д.В. Критическая теория и виртуализация общества // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 32–40. [Ivanov D.V. (1999) Critical Theory and Virtualization of Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 32–40. (In Russ.)]
- Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52. [Habermas J. (1992) Die Moderne – ein unvollendetes Projekt. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 4: 40–52. (In Russ.)]
- Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée.
- Habermas J. (1962) *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Neuwied: Luchterhand.
- Habermas J. (1968a) *Erkenntnis und Interesse*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1968b) *Technik und Wissenschaft als «Ideologie»*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1973) *Legitimitätsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1976) *Zur Rekonstruktion des historischen Materialismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1980) Die Moderne – ein unvollendetes Projekt. *Die Zeit*. 19 Sept.
- Habermas J. (1981a) Modernity versus Postmodernity. *New German Critique*. No. 22: 3–14.
- Habermas J. (1981b) *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 1, 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1985) *Der philosophische Diskurs der Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J. (1992) *Faktizität und Geltung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Habermas J., Luhmann N. (1971) *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung?* Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Horkheimer M., Adorno T. (1947) *Diagnostik der Aufklärung*. Amsterdam: Querido.
- Horkheimer M. (1988) *Traditionelle und Kritische Theorie. Gesammelte Schriften*. Bd. 4: Schriften 1936–1941. Frankfurt am Main: Fisher Verlag.
- Kellner D. (1989) *Critical Theory, Marxism, and Modernity*. Baltimore: John Hopkins University Press.

- Lyotard J.-F. (1979) *La Condition postmoderne. Rapport sur le savoir*. Paris: Minuit.
Marcuse H. (1964) *One-dimensional Man*. Boston: Beacon Press.
Marcuse H. (1972) *Counterrevolution and Revolt*. Boston: Beacon Press.
Parsons T. (1966) *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
Schütz A. (1967) *The Phenomenology of the Social World*. Evanston: Northwestern University Press.
Wellmer A. (1985) *Zur Dialektik von Moderne und Postmoderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Статья поступила: 17.04.19. Принята к публикации: 24.04.19.

JÜRGEN HABERMAS' POST-MARXISM AND DIALECTICS OF SOCIAL DEVELOPMENT

IVANOV D.V.

St. Petersburg State University, Russia

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (dvi1967@gmail.com).

Abstract. The article is dedicated to analysis of J. Habermas' contribution to sociological theorizing with special focus on his conception of the modern society development. The neo-Marxist and post-Marxist phases in his intellectual career have been characterized. Habermas' integrative paradigm and his two-level theory of society are interpreted as a new perspective on goals and indicators of social development. Being presented as foundations of sociality, communicative rationality and communicative action correspond to current processes of social development, but in Habermas' theory they are used to deter social changes and to defend values and institutions of the previous centuries from the past. Conception of the life-world defense against the system expansion is a kind of conservative utopia. Under today's virtualization and post-virtualization conditions the life-world is not conservative reality of everyday routine but augmented reality constructed by creative and mobile communications and supported by network and flow structures. In such augmented social reality, communicative action creates meanings, symbolic structures legitimating purposive-rational action and the system.

Keywords: Habermas, critical theory, communicative action, social development, dialectics.

Received: 17.04.19. Accepted: 24.04.19.